

Этой ночью Чжун Маню на редкость хорошо спалось.

Наутро его разбудил гомон деревенской живности: кудахтанье кур, криканье уток, гогот гусей и лай собак. Странное дело — такая побудка ничуть его не раздражала, напротив, на душе было необъяснимо спокойно.

Тан Кайци уже поднялся и возился во дворе, подкармливая свою разношерстную ораву.

Сыпал зерно и напевал во весь голос: «Рано утром я пошел навоз собирать, глядь — а женки-то след простыл. На восточном дворе ищу, на западном ищу, на южном кличу, на северный бегу...»

Чжун Мань тихо усмехнулся, но тут же услышал:

— Куайкуай, Куайкуай, кис-кис... На, съешь яичко.

Улыбку как рукой сняло.

— Эргоудань! — позвал он.

Эргоудань тут же ввалился в комнату:

— Проснулся? Ну и чего ты? Я же тебя Мими больше не зову, что ж ты меня всё Эргоуданем величаешь?

— Переименуешь кошку в Мими — тогда и я перестану, — отрезал Чжун Мань.

Он медленно сел на кане и спросил:

— Далеко отсюда до больницы?

— У нас в деревне старый врач есть, живет неподалеку, — ответил Тан Кайци.

— Мне нужна большая больница, где делают рентген.

— Ох, это далеко, — почесал затылок Тан Кайци. — Такие только в уездном городе есть. Сначала надо до соседней деревни дойти, а там на автобусе еще больше часа трястись.

Догадавшись, что гость хочет проверить глаза, он добавил:

— Автобус не каждый день ходит, раз в три дня. Рейс в шесть утра, так что на сегодня точно опоздали. Давай так: ты сперва ногу подлечи, а послезавтра спозаранку я тебя отвезу в город к докторам.

— Идет.

Закончив со скотиной, Тан Кайци принялся за завтрак. Он специально запек пару клубней батата — один Чжун Маню, другой для Люй Маоданя.

Но Чжун Мань откусил всего кусочек и отложил в сторону.

— Опять не ешь?

— Нет аппетита.

Тан Кайци подумал, что гость ужасно капризный: то ему не это, это не то. И как только вымахал такой? Сам Кайци с детства не знал, что это за зверь такой — «нет аппетита».

После еды, пока Чжун Мань сидел в комнате, погруженный в свои мысли, Тан Кайци прихватил батат и прокрался в восточную пристройку.

Глядя, как Люй Маодань уплетал сладкий картофель, он принялся ворчать себе под нос:

— Вот скажи мне, как мужик может быть таким неженкой? Редька с мясом — вкуснотища, а он не ест. Батат — сплошные витамины, он и на него нос воротит. И еще, кто же спит в одежде? Я всегда нагишом, а он — и рубаха, и штаны, всё застегнуто. Разве так выплывешься?

— Еще и мыться ему перед сном подавай. Не лето же на дворе! Слушай, а может, он потому такой беленький, что каждый день намывается?

Тан Кайци окинул взглядом свои смуглые, загорелые руки и пробормотал:

— Может, и мне попробовать? А то мать вечно дразнит «черным железным валом».

Люй Маодань и ухом не повел, лишь яростно грыз батат на краю кадки.

— Эргодань, ты там?

Чжун Мань незаметно подошел к дверям пристройки и теперь, придерживаясь за косяк, «смотрел» внутрь.

Тан Кайци от испуга со всего маху — шлёп! — и загнал Люй Маоданя ладонью прямо в чан с водой.

Люй Маодань: «??»

Только потом до Кайци дошло: чего он всполошился? Чжун Мань всё равно ничего не видит.

— Здесь я!

Он обернулся с виноватым видом, но осекся. Чжун Мань снял марлевую повязку; видимо, только что умылся — кожа была влажной, а на прядях волос у лба дрожали капельки воды.

Его взгляд был расфокусированным, но он всё равно был так красив, что сердце у Кайци екнуло.

Тан Кайци впервые увидел лицо повзрослевшего Чжун Маня целиком. Он замер, словно под заклятьем оцепенения.

«Разве может мужчина быть настолько красивым?» — крутилось у него в голове.

— Что это за звук? Словно плеснуло что-то? — спросил Чжун Мань.

Тан Кайци опомнился:

— А, это... да ничего такого. Стиркой вот занялся.

С этими словами он засунул руку в чан и принялся с шумом бултыхать воду.

Люй Маодань, оказавшийся в эпицентре водоворота: «...»

«Счастье-то какое — иметь такого хозяина».

Чжун Мань не заподозрил неладного. Он указал в сторону ворот и сказал:

— Мне показалось, в ворота стучат.

— О, сейчас гляну.

Тан Кайци прикрыл дверь пристройки, не удержавшись и еще раз мазнув взглядом по лицу

Чжун Маня, и припустил к калитке.

— Тук-тук!

С той стороны снова постучали. Тан Кайци открыл. На пороге стоял молодой парень с двумя огромными ведрами в руках.

— Брат Гоудань! Слышал, в южной речке рыба пошла, пойдем ловить, а то всё разберут! Ой, а чего ты красный такой?

Тан Кайци зажал ему рот ладонью и прошипел:

— Ма Лоу, сколько раз тебе повторять: не смей звать меня Гоуданем! Зови братом Кайцэ!

Ма Лоу был другом детства Кайци и когда-то тоже входил в «свиту» Чжун Маня.

Ма Лоу что-то промычал в ответ и вдруг замер, уставившись на стоящего во дворе удивительно белокожего и красивого незнакомца. Он округлил глаза, заморгал и вопросительно глянул на Кайци, негласно спрашивая: «Это кто еще?»

Тан Кайци убрал руку, вытер её о штаны и сказал:

— Чжун Мань. Наш старый вожак, помнишь его?

Ма Лоу в изумлении разинул рот. Конечно, он помнил.

Он бросил ведра и во всю глотку заорал:

— Братец Мань-Мань!!

А затем, разогнавшись, рухнул на колени и в скольжении обхватил Чжун Маня за ноги.

Тан Кайци: «??»

Он ожидал, что Ма Лоу обрадуется, но не до такой же степени.

Чжун Мань от неожиданности чуть не повалился навзничь.

— Ты... кто?

Ма Лоу задрал голову:

— Братец Мань-Мань, это же я, Ма Лоу! Неужто не признал?

Чжун Мань и впрямь помнил смутно:

— Ма Лоу?

— Ну да! Помнишь, Те Шуаньцзы из соседней деревни у меня конфету отнял и по заднице поддал? А ты по-геройски меня спас: конфету отобрал, а Шуаньцзы в землю вмял и так отдубасил, что любо-дорого!

В памяти Чжун Маня что-то забрезжило. В детстве он был тем еще сорванцом, воображал себя великим мастером боевых искусств и ввязывался в такие истории постоянно. Всех спасенных детишек и не упомнишь.

Глаза Ма Лоу заблестели от слез:

— В народе говорят: за спасение жизни платят замужеством. Братец Мань-Мань, не будь я мужиком, я б за тебя враз пошел!

Чжун Мань с облегчением подумал: «Слава богу, что ты мужик».

Тан Кайци рывком поднял Ма Лоу за загривок:

— Полегче ты! Он сейчас не видит ничего, еще с ног собьешь.

Ма Лоу поднялся, вытирая слезы:

— Братец Мань-Мань, что с глазами-то?

Чжун Мань слабо улыбнулся:

— Пустяки, скоро поправлюсь, в больницу съезжу и всё.

Ему не хотелось в сотый раз пересказывать историю своей слепоты. Тем более Ма Лоу был для него почти чужим, не то что Тан Кайци. С тем он жил под одной крышей, и бог весть, сколько еще проживет, так что лучше было выложить правду сразу, чем потом юлить.

Однако Тан Кайци рассудил иначе.

Он во все глаза смотрел на лицо Чжун Маня, и сердце его предательски затрепетало: «Чжун Мань не стал рассказывать Ма Лоу про свою беду. Только мне доверился... Неужто я для него особенный? Совсем как в детстве: столько ребят за ним хвостиком бегало, а он ни на кого не смотрел, только мне брачный контракт написал. Матушки мои, неужто Чжун Мань и впрямь на меня глаз положил? Но я ведь тоже мужик... И что теперь делать-то?»

<http://bllate.org/book/18973/1864235>